

Юрий Маслов
**Свет,
который
не
погасить»**

Юрий Маслов

Свет, который не погасить»

<https://litres.ru/74190977>

SelfPub; 2026

Аннотация

****«Голос Анны: крещение Руси глазами византийской царицы»****

История византийской царицы Анны, выданной замуж за князя Владимира, раскрывает крещение Руси через её личные переживания. Страх перед чужой землёй, столкновение двух миров — византийской утончённости и северной суровости — и осознание своего предназначения делают Анну проводником новой веры. Роман показывает грандиозные события через призму её сомнений и решимости.

****«Голос послушника: сказание о монахе-миссионере»****

Спустя два года после крещения Киева отец Феодосий и юный послушник Тихон несут веру на север, в земли, где крепко держится язычество. Путь становится школой смирения, сострадания и стойкости. На фоне суровой природы разворачивается история духовного взросления Тихона: вера прорастает через терпение и милосердие, а главное слово звучит тихо. Это сказание о ежедневном подвиге сердца.

Юрий Маслов

Свет, который не погасить»

«Голос Анны: крещение Руси глазами византийской царевны»

Глава 1. «Море между мирами»

Ветер рвал шёлковую накидку, швыряя в лицо солёные брызги. Я стояла на носу корабля, вцепившись в резные перила, и смотрела, как горизонт глотает последние отсветы константинопольского заката. Казалось, будто сама земля отступает, прячась за тёмной кромкой воды, чтобы мне было больнее попрощаться с ней.

— Госпожа, прошу, отойдите от края, — тихо позвал меня диакон Евстафий, кутаясь в грубый плащ. Его голос дрожал не столько от ветра, сколько от тревоги: он знал, как мне тяжело.

— Пусть море заберёт эти слова, — прошептала я, не оборачиваясь. — Я не отойду. Хочу запомнить, как исчезает мой дом.

Рядом зашелестели шаги. Это была Феодора, моя верная камеристка, с которой мы росли вместе в Большом дворце. Она молча накинула на мои плечи тёплый шерстяной платок, пахнувший ладаном и сухими травами.

— Там, впереди, будет другой мир, госпожа. Чужой. Но

вы не будете в нём одиноки. Мы все с вами.

Я сжала пальцами грубую ткань платка и впервые за долгие дни позволила себе чуть-чуть расслабиться.

Ещё неделю назад всё казалось невозможным сном. Братья мои, императоры Василий и Константин, позвали меня в тронный зал, где даже воздух был тяжёлым от золота и ответственности.

— Анна, — сказал Василий, и в его голосе я услышала не столько братскую нежность, сколько тяжесть государственной необходимости. — Русь должна стать христианской. Князь Владимир готов принять веру, но условием его союза с нами будет твой брак.

Я опустила глаза, чувствуя, как холод ползёт по спине. Брак с князем, о котором в Константинополе шептались как о человеке грозном, чьи земли лежали где-то за пределами привычного мира.

— Я не хочу быть разменной монетой в ваших договорах, — ответила я тихо, но твёрдо.

Константин подошёл ближе и коснулся моего плеча.

— Ты не монета, сестра. Ты — посол Бога. Возможно, именно твоя вера, твоя кротость и мудрость помогут целой стране выйти из тьмы. Разве это не достойное предназначение?

И тогда я поняла: спорить бесполезно. Не потому, что они

не слышали меня, а потому, что долг стоял выше моих страхов.

Теперь этот долг нёс меня по волнам, словно щепку.

Ночью качка становилась невыносимой. Я лежала на узкой койке в тесной каюте, слушая, как скрипят доски и воет ветер. Рядом тихо молилась Феодора. А я не могла. Слова молитвы застревали в горле, смешиваясь с горечью слёз.

На третий день пути небо прояснилось, и перед нами открылся берег Херсонеса — Корсуни, как называли его греки. Город лежал на склоне холма, будто прижавшись к морю, с белыми стенами и куполами церквей, знакомыми и родными, но всё равно чужими.

— Смотрите, госпожа! — воскликнула Феодора, указывая на пристань, где уже толпились люди в длинных плащах и высоких сапогах. — Нас встречают.

Среди встречавших выделялся седой епископ в расшитом облачении. Он первым поднялся на корабль, благословил нас и произнёс на чистом греческом:

— Благословенна ты, царица Анна, ибо пришёл час великого дела. Здесь, в Корсуни, князь Владимир готовится принять крещение.

Сердце моё дрогнуло. Значит, всё по-настоящему. Никакого возврата.

Мы сошли на берег под пристальными взглядами горо-

жан. Кто-то смотрел с любопытством, кто-то — с недоверием. Один старик в простой одежде прошептал что-то на незнакомом языке и перекрестился непривычным движением — не так, как мы, греки.

— Это местные, — тихо пояснил епископ. — Они привыкли к своим обычаям. Но многие уже тянутся к свету Христову.

По дороге к резиденции, где мне предстояло остановиться до встречи с Владимиром, я ловила обрывки разговоров спутников.

— Говорят, князь жесток, но справедлив, — шептал один из священников.

— А ещё говорят, что он искренне ищет Бога, — возражал другой.

Я слушала и пыталась собрать из этих лоскутков образ человека, с которым мне предстояло делить не только ложе, но и судьбу целого народа.

К вечеру меня провели в небольшую, но уютную комнату с видом на бухту. Стены были выбелены, на столе горела лампадка перед иконой Богородицы. Я опустилась на колени, наконец-то позволив себе настоящую молитву — не ту, что полагается по чину, а ту, что шла из самой глубины души.

— Матерь Божия, будь мне опорой там, где я ничего не знаю. Дай мне сил не судить поспешно, видеть сердцем и го-

ворить так, чтобы слышали.

За окном шумело море. Оно больше не казалось мне врагом, уносящим прочь мой дом. Теперь оно стало дорогой — тяжёлой, бурной, но ведущей к чему-то важному.

Я поднялась, подошла к окну и посмотрела на тёмную воду. Где-то там, за горизонтом, ждал меня Киев. Ждал князь Владимир. Ждала Русь, которую предстояло научить новой вере.

И впервые за долгое время я почувствовала не только страх, но и тихую решимость.

Пусть этот путь будет трудным. Но я пройду его до конца.

Глава 2. «Встреча и испытание»

В Корсуни дни тянулись странно: будто время здесь текло не так, как в Константинополе. Утро начиналось с криков чаек и запаха сырой глины, а не с перезвона столичных колоколов. Я выходила на террасу, смотрела на бухту, где корабли качались, словно детские люльки, и пыталась привыкнуть к мысли, что теперь моя жизнь — не черед дворцовых церемоний, а ожидание. Ожидание человека, который должен был стать моим мужем и вместе с тем — ключом к великой перемене.

О Владимире говорили много, и все — по-разному. Епископ Николай, который встречал нас в порту, отзывался о нём с осторожным уважением:

— Князь не из тех, кто легко склоняет голову. Но если он примет решение, то будет держаться его до конца. Такова

его природа.

А вот молодой диакон Евстафий, напротив, вздыхал и шептал, будто бы стыдясь собственных слов:

— Говорят, он бывал жесток. Говорят, кровь лилась рекой, когда он шёл к власти. Но теперь будто ищет чего-то большего, чем власть.

Я слушала и старалась не судить. В Константинополе тоже хватало историй о жестокости императоров, и всё же мы молились за них, потому что власть — это не только сила, но и бремя.

На четвёртый день моего пребывания в Корсуни по городу пополз тихий, но настойчивый слух: князь Владимир тяжело болен. Говорили, что он почти ослеп, что свет режет ему глаза, будто раскалённое железо, и он не может ни ходить, ни править, ни даже молиться, как подобает.

— Это испытание, — сказал епископ Николай, когда я спросила, правда ли это. — Или наказание. А может, и то, и другое. Но Господь не оставляет тех, кто ищет Его.

Меня охватил странный холод. Если Владимир действительно слеп, если он в таком состоянии, то как он сможет вести за собой народ? Как сможет быть опорой мне, если сам едва держится на ногах?

Но уже на следующий день всё изменилось.

Его привезли на носилках, укутанного в меха, с низко на-

двинутым капюшоном. Толпа на площади расступилась, и в этой тишине стало слышно, как тяжело он дышит. Я стояла у дверей храма, рядом с епископом, и чувствовала, как дрожат мои пальцы.

Когда носилки остановились, Владимир медленно откинул капюшон. Лицо его было бледным, черты — резкими, будто высеченными из камня. Он не смотрел ни на кого: глаза были прикрыты, веки опухли, а под ними темнели глубокие тени.

— Где царица Анна? — спросил он хрипло, и голос его звучал не как приказ, а как просьба.

Я шагнула вперёд, сама не зная, откуда взялась эта смелость.

— Я здесь, князь.

Он чуть повернул голову в мою сторону, будто пытался уловить звук моего голоса, как слепой улавливает малейшее движение воздуха.

— Говорят, ты мудра и добра. Говорят, ты можешь принести свет.

Я сжала край своего плаща, чтобы скрыть дрожь.

— Свет приносит только Бог, князь. Я лишь та, кто старается не заслонять его.

Владимир усмехнулся — горько, без веселья.

— В моей жизни было много тьмы. И я устал от неё.

Епископ Николай подошёл ближе и тихо произнёс:

— Князь, если ты готов принять крещение, Господь может

даровать тебе исцеление. Вера и смирение творят чудеса.

Владимир помолчал, будто взвешивая каждое слово.

— Пусть будет так. Я хочу видеть. Хочу видеть всё: лица своих людей, небо, солнце... и её.

Эти последние слова он произнёс почти шёпотом, но я услышала. И в них было не столько желание обладать, сколько признание своей уязвимости.

Таинство крещения совершалось в храме, где стены были расписаны ликами святых, а воздух пах воском и ладаном. Владимир стоял в купели, склонив голову, и повторял за епископом слова Символа веры. Голос его звучал твёрже, чем я ожидала. В нём не было показного покаяния — только решимость человека, который делает шаг в неизвестность, зная, что возврата не будет.

А потом наступил момент, которого все ждали.

Епископ возложил руки на его голову, произнёс молитву, и Владимир открыл глаза.

Сначала он шурился, будто свет был ему непривычен, даже болезнен. Но постепенно взгляд его прояснялся. Он смотрел на меня, на иконы, на людей, стоявших вокруг, и на его лице появлялось выражение, которое я не могла сразу назвать. Это было не просто удивление — это было изумление перед чудом, перед тем, что мир снова стал видимым.

— Я вижу, — прошептал он, и в этом слове было столько

благодарности, что у меня защипало в глазах. — Я вижу тебя.

Я склонила голову, стараясь скрыть слёзы. Не от радости, не от страха — от понимания: это был не просто физический дар. Это был знак, что путь, который нам предстояло пройти, не напрасен.

После крещения Владимира венчали со мной в том же храме. Церемония была скромной по константинопольским меркам, но в ней чувствовалась особая торжественность — будто сама земля слушала эти слова. Когда священник надел на нас венцы и велел смотреть друг на друга, я впервые увидела в глазах Владимира не только силу, но и надежду.

А позже, когда мы остались одни в покоях, приготовленных для нас, тишина стала почти осязаемой.

— Ты боялась меня, — вдруг сказал он, не глядя на меня, а в окно, где за стеклом медленно опускались сумерки. — Я слышал это в твоём голосе.

— Да, — призналась я. — Боялась. Не столько тебя, сколько того, что мы должны сделать. Это слишком большая тяжесть для двоих.

Он повернулся ко мне. Теперь, когда зрение вернулось, в его взгляде было что-то новое — спокойствие, которого раньше не было.

— Мы не одни. С нами Бог. И с нами люди, которые ждут света. Я не обещаю, что будет легко. Но обещаю, что не от-

ступлю.

Я подошла к окну и посмотрела на город. Корсунь спал, укрытый ночной тьмой, но где-то внизу мерцал одинокий огонёк — как знак, что даже в самой глубокой темноте всегда есть место для света.

— Тогда начнём с малого, — сказала я тихо. — С того, чтобы каждый день делать хоть один шаг. Пусть даже неуверенный.

Владимир кивнул, и впервые за всё время между нами не было ни напряжения, ни страха — только общее понимание: впереди долгий путь. И мы пойдём по нему вместе.

Глава 3. «Киев: город идолов»

Путь из Корсуни в Киев казался мне дорогой из одного мира в другой. Там, в Херсонесе, даже воздух был пропитан византийской привычностью: купола, мозаики, греческая речь на улицах... Здесь же, среди холмов, поросших лесом, и широких просторов, всё дышало иной, суровой силой.

Мы ехали верхом, хотя для царевны это было непривычно. Но Владимир настоял:

— Пусть люди видят тебя не за занавесками возка, а рядом со мной. Пусть знают: ты не чужая.

Я куталась в тёплый плащ, чувствуя, как ветер треплет волосы, и смотрела на проплывающие мимо деревни. Дети выбегали к дороге, женщины кланялись, мужчины снимали шапки. Но в их взглядах я читала не только почтение — в них было любопытство, смешанное с насторожённостью. Я

была для них зна́ком перемен, а перемены пугают.

Когда впереди показался Киев, Владимир придержал коня и указал рукой на высокий холм, где на самом видном месте возвышался огромный идол.

— Это Перун, — произнёс он спокойно, будто речь шла о чём-то обыденном. — Главный бог наших предков. Ему приносили дары, к нему обращались за победой, у него просили дождя и урожая.

Я молча смотрела на деревянную фигуру, выкрашенную в тёмные тона, с серебряной головой и золотыми усами. В ней была какая-то тяжёлая, угрюмая мощь, словно она впитывала в себя всю силу этой земли. И вместе с тем она казалась мне бездушной — просто деревом и металлом, которому люди приписали власть.

— Теперь здесь будет стоять церковь, — тихо сказал Владимир, будто читая мои мысли. — Не для того, чтобы стереть прошлое, а чтобы дать людям новое будущее.

В Киеве нас встречали шумно. На улицах толпился народ, звенели бубны, кричали глашатаи, а над городом стоял густой запах дыма от костров и жареного мяса — казалось, весь город праздновал возвращение князя. Но я замечала и другое: в толпе мелькали суровые лица старших дружинников, а в стороне, у края площади, стояли несколько человек в длинных льняных рубахах с резными посохами — волхвы.

Они не кричали, не махали руками, но их молчание было громче любого крика.

В княжеских палатах нас ждал совет. Владимир собрал бояр, старейшин и вождей племён, чтобы объявить о своём решении. Я сидела рядом с ним, стараясь держаться прямо и не выдавать волнения, хотя сердце билось где-то у самого горла.

— Я принял крещение и обрёл новую веру, — говорил Владимир, и голос его звучал твёрдо, без колебаний. — Теперь и земля наша должна идти этим путём. Капища будут разрушены, идолы — повержены. На их месте мы построим храмы, где люди смогут молиться истинному Богу.

По залу прокатился глухой ропот. Кто-то из бояр опустил глаза, кто-то стиснул кулаки. Один из старейшин, седой и крепкий, поднялся с лавки и шагнул вперёд.

— Князь, народ наш веками чтит этих богов. Отцы и деды наши клялись их именами, шли в бой под их покровительством. Если ты сейчас отнимешь у людей их святыни, они не поймут. А иные и вовсе восстанут.

Владимир не вспыхнул, не ударил кулаком по столу, как, наверное, сделал бы раньше. Теперь в нём появилась новая выдержка.

— Я не хочу крови, — ответил он спокойно. — Но и отступать не стану. Мы сделаем это не в один день. Сначала люди услышат слово Божие, узнают, что есть иной путь. А потом, когда сердца будут готовы, мы снимем идолов.

Волхв, стоявший у дверей, шагнул вперёд, и в зале стало тихо.

— Ты говоришь о сердцах, князь. Но сердце народа помнит своих богов. Если ты тронешь капища, ты тронешь саму душу Руси.

Владимир посмотрел на него долго и пристально.

— А если душа Руси жаждет света, разве не должен я показать ей дорогу к нему?

Волхв не ответил. Он лишь склонил голову — не в поклоне, а скорее в признании того, что слова уже не помогут. И в этом жесте я увидела не покорность, а обещание: борьба только начинается.

На следующий день я попросила Владимира показать мне капище. Он не стал отговаривать, лишь велел взять с собой надёжную охрану и Феодору.

Когда мы поднялись на холм, я остановилась, не решаясь подойти ближе. Вокруг идола лежали подношения: хлеб, мёд, пучки трав, а у подножия темнели пятна от жертвенной крови. Воздух здесь был тяжёлым, будто пропитанным древними страхами и мольбами.

— Раньше сюда приходили все, — тихо сказал Владимир. — И князья, и простые люди. Просили о защите, о плодородии, о победе. Для них это было не просто дерево — это был голос предков.

Я коснулась пальцами холодного камня алтаря и вдруг почувствовала не отвращение, а печаль.

— Как тяжело расставаться с тем, во что верил всю жизнь, — прошептала я.

Владимир кивнул.

— Поэтому я и не хочу рушить всё в один миг. Пусть люди сами увидят, что новая вера не отнимает у них надежду, а даёт больше. Что Бог, которому мы молимся, не требует крови, а ждёт любви и милосердия.

Мы стояли рядом, глядя на идола, и в тот момент я поняла: самое трудное впереди не в том, чтобы сломать старое, а в том, чтобы помочь людям поверить в новое.

К вечеру в городе начали шептаться. Говорили, что князь хочет сжечь капища, что греческая царевна привезла с собой проклятие, что боги разгневаются и нашлют на землю мор и голод. Волхвы ходили по улицам, тихо разговаривая с людьми, и в их словах звучало не столько учение, сколько тревога за привычный уклад жизни.

Ночью я не могла уснуть. Сидела у окна, глядя на тёмные силуэты домов и на редкие огоньки в окнах. Феодора спала на лавке, тихо посапывая, а я всё думала о том, как хрупка эта тишина перед бурей.

Вдруг в коридоре послышались быстрые шаги, и в дверь постучали.

— Госпожа, проснитесь! — голос диакона Евстафия дрожал от волнения. — В городе неспокойно. На холме у капища собрались люди. Говорят, волхвы зовут народ защищать святыню.

Я накинула плащ и выбежала во двор. Владимир уже был там, в кольчуге, с мечом на поясе. Рядом стояли его верные дружинники.

— Остаься здесь, — коротко бросил он мне, но я покачала головой.

— Нет. Если это начнётся, я должна быть рядом. Не как воительница, а как свидетельница. Пусть люди видят: мы не враги им.

Он хотел возразить, но потом лишь кивнул.

— Держись позади. И не подходи близко к толпе.

Путь на холм был коротким, но казалось, что мы шли целую вечность. У подножия капища собралась толпа — не буйная, не разъярённая, а скорее растерянная и напуганная. Люди сжимали в руках палки и топоры, но в их глазах читался не гнев, а страх перед неизвестностью.

Волхв стоял перед идолом и говорил громко, так, чтобы слышали все:

— Боги не простят нам предательства! Если мы позволим снести капище, земля перестанет кормить нас, реки выйдут из берегов, а враги придут и сожгут наши дома!

Владимир вышел вперёд, не поднимая меча, не выставя вперёд дружину. Он просто встал перед толпой и поднял ру-

ку.

— Слушайте меня, — голос его звучал не грозно, а устало и в то же время твёрдо. — Я не пришёл сюда, чтобы отнять у вас вашу землю или ваших детей. Я пришёл сказать, что есть Бог, который любит всех одинаково. Он не требует жертв, Он хочет, чтобы мы жили в мире друг с другом.

Кто-то в толпе крикнул:

— А кто будет защищать нас в бою? Кто пошлёт дождь, если твой Бог не знает наших земель?

Владимир помолчал, будто подбирая слова, которые дошли бы до сердца каждого.

— Тот, кто создал эти земли. Тот, кто дал нам солнце и ветер, реки и леса. Разве Он не знает нас? Разве Он не слышит наши молитвы?

Люди переглядывались, и напряжение в воздухе стало чуть слабее. Не все были убеждены, но многие задумались.

Волхв шагнул вперёд, но Владимир остановил его взглядом.

— Сегодня мы ничего не будем ломать. Пусть идол стоит, пока сердца людей не будут готовы. Но знайте: время перемен пришло. И оно не остановится ни перед страхом, ни перед гневом.

Толпа медленно расходилась, унося с собой не ответы, а вопросы. А мы стояли на холме, глядя, как последние огоньки гаснут в темноте.

— Ты был мудр сегодня, — тихо сказала я Владимиру,

когда мы возвращались домой.

Он вздохнул и посмотрел на звёзды.

— Мудрость — это не сила, Анна. Мудрость — это умение ждать. И надеяться, что однажды люди увидят свет там, где раньше видели только тень.

И я знала: впереди нас ждёт ещё много таких ночей. Но теперь я была уверена: мы пройдем этот путь не только как князь и царица, но и как люди, которые хотят, чтобы эта земля стала светлее.

Глава 4. «Крещение на Днепре»

Тот день начинался как любой другой: с криков петухов, с запаха свежего хлеба из пекарен и с привычного гула киевской жизни. Но воздух был иным — в нём висело ожидание, словно перед грозой, когда небо темнеет, а птицы замолкают. Люди собирались у Днепра ещё до рассвета: кто-то шёл с надеждой, кто-то — из страха послушаться княжеского слова, а кто-то просто потому, что не мог остаться в стороне, когда решается судьба города.

Я стояла на высоком берегу, рядом с Владимиром, чуть позади него, чтобы не заслонять князя от народа, но так, чтобы видеть всё до последней детали. Рядом со мной тихо перешёптывались Феодора и диакон Евстафий. Епископ Николай в полном облачении держал в руках крест, и золото на его ризах тускло мерцало в первых лучах солнца.

Владимир поднял руку, и шум постепенно стих. Остался только ровный гул реки да редкий крик чайки.

— Люди киевские! — голос князя звучал не грозно, а весело, будто каждое слово он пропускал через себя. — Я прошёл долгий путь, чтобы увидеть свет. И теперь хочу, чтобы этот свет увидели все. Сегодня вы войдёте в воды Днепра не как подданные, которых принуждают, а как те, кто готов услышать новое слово. Кто готов поверить, что Бог любит каждого из вас — и старого, и малого, и сильного, и слабого.

В толпе кто-то всхлипнул, кто-то перекрестился непривычным ещё движением. Я заметила, как молодая женщина прижимает к себе ребёнка, будто хочет укрыть его от всего, что должно случиться. А рядом старик смотрел прямо на Владимира, и в его взгляде читался не страх, а упрямое недоверие: всю жизнь он приносил дары Перуну, просил у него дождя и защиты, и теперь ему было тяжело поверить, что всё это вдруг стало ненужным.

Епископ Николай шагнул вперёд и начал говорить — просто, без византийской пышности, так, чтобы поняли и воин, и пахарь:

— Крещение — это не вода, которая смывает пыль с тела. Это вода, которая очищает сердце. Это обещание: отныне вы будете жить не по страху, а по любви.

И тогда началось.

Сначала в реку вошли самые смелые: молодые дружинники, несколько женщин, которые, казалось, сами тянули за собой робких соседей. Вода была холодной даже в разгар лета, и первые шаги давались нелегко. Люди вздрагивали, когда

волны касались колен, потом груди, а потом, по знаку священников, опускались в воду, и над Днепром разносилось:

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа...

Я смотрела на эти лица: на них сменялись испуг, облегчение, удивление — будто человек вдруг увидел то, чего раньше не замечал. Кто-то выходил из воды и тут же начинал смеяться сквозь слёзы, кто-то опускался на мокрый песок и целовал землю, словно заново узнавая её.

Но были и другие.

На краю толпы я заметила волхва, того самого, что выступал на холме у капища. Он не кричал, не звал людей назад, но стоял неподвижно, и его молчание было тяжелее любого крика. Рядом с ним перешёптывались несколько мужчин, и в их взглядах читалось: «Это не наш путь».

Когда ближе к полудню поток людей стал реже, Владимир подошёл ко мне. Лицо его было мокрым не от речной воды, а от пота и ветра, но в глазах светилось что-то новое — не торжество победителя, а тихая благодарность.

— Сегодня не все поверили, — сказал он тихо, будто самому себе. — Но многие захотели поверить. А это уже начало.

Я кивнула, не находя слов. Потому что видела: да, многие вошли в воду с надеждой, но многие вышли с сомнением, и ещё больше людей остались на берегу, глядя на всё это с тревогой.

К вечеру, когда солнце уже клонилось к закату, я спустилась к реке одна. Мне хотелось услышать не громкие слова, а тихий голос этого дня. На берегу ещё оставались следы множества ног, песок был примят, а вода всё так же спокойно катила свои волны, будто и не было здесь сегодня сотен людей, менявших свою судьбу.

Ко мне подошла та самая молодая женщина, которую я заметила утром. Она держала ребёнка на руках и теперь смотрела на меня не с почтением царевне, а с простой человеческой надеждой.

— Госпожа, — прошептала она, чуть склонив голову, — скажи... правда ли, что теперь Бог будет беречь моего сына? Что ему не нужно бояться ни грозы, ни волков, ни злых людей?

Я хотела ответить ей готовыми словами, теми, что учили меня в Константинополе, но вдруг поняла, что сейчас нужны не красивые фразы, а правда.

— Бог не обещает, что в мире не будет грозы или волков, — сказала я мягко, опускаясь на колени, чтобы быть с ней на одном уровне. — Он обещает, что ты не будешь одна. Что, когда тебе станет страшно, ты сможешь поднять глаза к небу и сказать: «Я не справляюсь. Помогите». И Он услышит.

Женщина кивнула, будто эти слова легли ей на сердце, как тёплый платок в холодную ночь.

— Спасибо, — прошептала она и пошла прочь, прижимая

к себе ребёнка.

Я осталась сидеть на берегу, слушая, как шепчет вода. И вдруг осознала: крещение Киева было не одним днём, а тысячей маленьких решений. Решений матерей, отцов, стариков, юношей — каждого, кто сегодня шагнул в холодную воду и сказал: «Я хочу верить».

Когда я вернулась в княжеские палаты, Владимир ждал меня. Он стоял у окна, глядя на город, который медленно погружался в сумерки.

— Ты была сегодня там, внизу, — сказал он, не оборачиваясь. — Я видел, как ты говорила с людьми. Они слушали тебя не как царевну, а как женщину, которая понимает их страх.

— Страх понятен, — ответила я, снимая тяжёлый плащ и чувствуя, как уходит дневная усталость. — Когда рушится привычный мир, даже добрый новый мир кажется пугающим.

Он наконец повернулся ко мне, и я увидела в его лице не только князя, но и человека, который тоже сегодня устал и тоже искал опоры.

— Мы сделали первый шаг, — произнёс он. — Но впереди ещё долгий путь. Будут те, кто не примет новую веру. Будут те, кто будет шептать о гневe старых богов. И будут те, кто просто не захочет ничего менять.

Я подошла к нему и тихо сказала:

— Значит, мы будем делать ещё шаги. Маленькие. Каждый день. Будем говорить с теми, кто боится. Будем показывать, что любовь не требует крови, что милосердие сильнее страха. И однажды люди поймут: новая вера не отнимает у них прошлое, а даёт им будущее.

Владимир чуть улыбнулся — впервые за весь день по-настоящему, без напряжения.

— С тобой этот путь кажется не таким тёмным, — признался он.

А я подумала, что и мне с ним стало легче. Потому что теперь мы шли не каждый сам по себе, а рядом, и каждый шаг одного поддерживал другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.